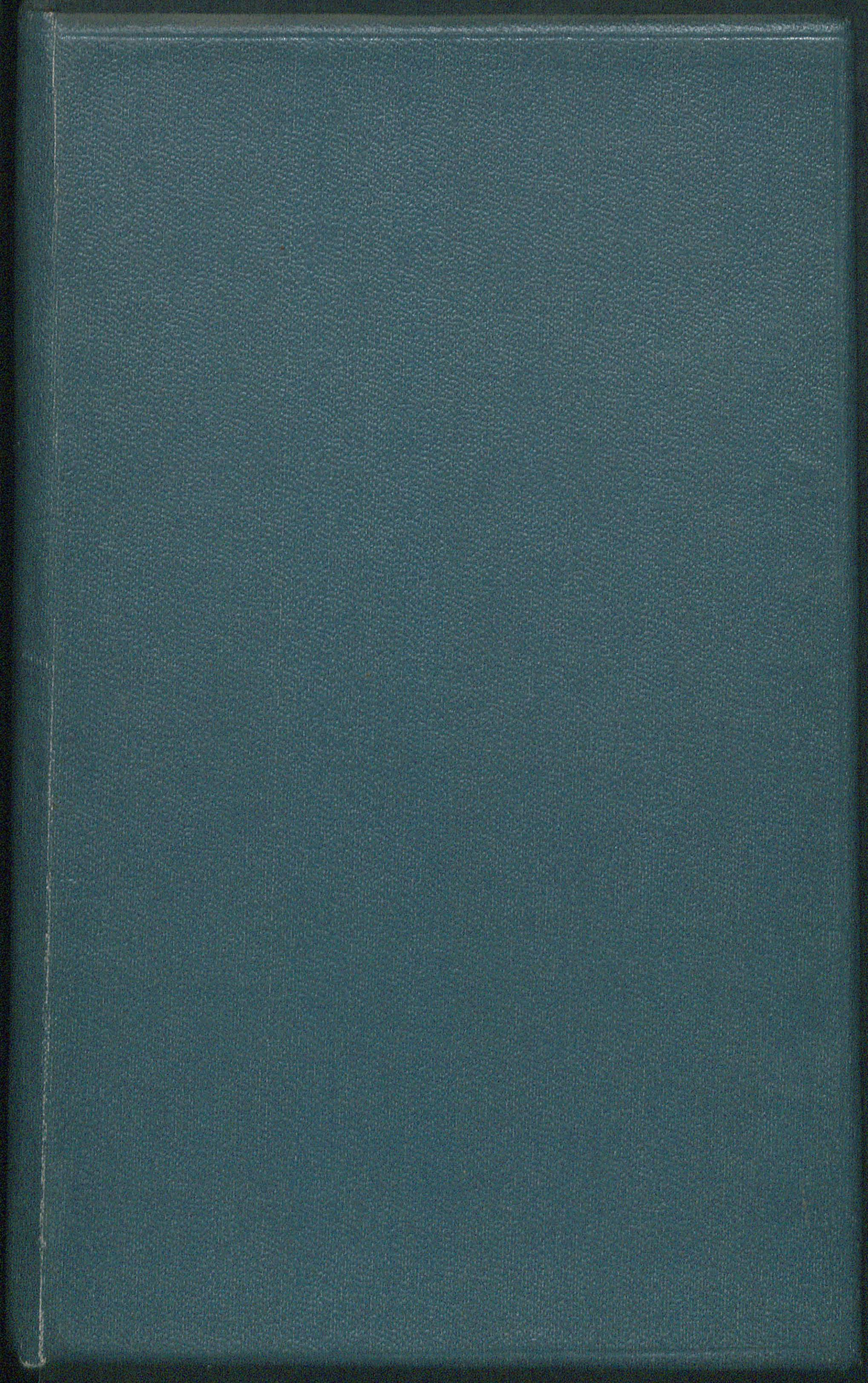

ДІЯНИНО ДРЕВО

ИЛИ

ТОРЖЕСТВУЮЩАЯ ЛЮБОВЬ,

комическая Опера въ двухъ дѣйствіяхъ,

передѣланная

съ Италіанскаго на Россійскій языкъ и подъ музыку Г. Мартини подведенная.

Представленная въ Санктпетербургѣ Россійскими придворными Актерами многократно.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ, 1792 года.,
печатано въ типографіи И. Крылова съ товарищи.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА,

Діана, Богиня непорочности, охоты, лѣсовъ, полей и проч.

Амуръ, Богъ любви.

Дористъ, пастухъ и стражъ Діянина древа.

Силвій, . . охотникъ.

Ендиміонъ, нѣжный пастухъ.

Бризея,
Клиція, главныя Нимфы Діянины.
Хлое,

Хоръ Нимфъ.

Хоръ Геніевъ.

ОДОБРЕНІЕ.

Напечатать позволено отъ Управы благочинія Февраля 13 дня 1792го года. Коллежскій Совѣтникъ и отправляющій должность Санктпетербургскаго Полицеймейстера

Андрей Жандръ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Явленіе Первое.

Театръ представляетъ прекраснѣйшій садъ обведенный по сторонамъ стѣнами, въ коихъ двои ворота: въ зади театра рѣчка, за рѣчкою небольшое поле; за полемъ пріятная рощица: по правую сторону сада древо съ золотыми яблоками, которые должны быть вдругъ освѣщаемы въ глазахъ зрителей; по лѣвую пещера могущая вмѣстить въ себя нѣсколько человѣкъ, и вдругъ изчезнуть въ свое время. Многія Нимфы по разнымъ мѣстамъ разсѣяны, и разными упражненіями заняты. Дористъ спитъ на дерновникѣ, скованный цвѣтными фестонами.

БРИЗЕЯ, КЛИЦІЯ, ХЛОЕ, (къ другимъ забавляющимся Нимфамъ).

Тише! тише! не шумите
Стъ! стъ! стъ! сюда спѣшите,
Смирно смирно въ храмъ подите
Ждетъ Діяна всѣхъ насъ въ немъ.

Вотъ подъ деревомъ высокимъ,
Пастушокъ спитъ сномъ глубокимъ,
Скованъ рокомъ знать жестокимъ,
Узы прочь съ нево возмемъ,
И во храмъ тотчасъ уйдемъ.

(Снявъ различнымъ комическимъ образомъ съ Дориста фестоны убѣгаютъ.)

Явленїе Второе.

ДОРИСТЪ, которова АМУРЪ разбужаетъ и скрывается.

ДОРИСТЪ (проснувшись).

Рецитативъ.

Что за чортъ! куда я преселился!
Какъ здѣсь съ тушею своей я очутился!
На явуль мнѣ, иль средь сна
Шутки строитъ сатана,
Что за славной садъ! . . . какъ птицы воспѣваютъ! . . .
Воды межъ душистыхъ древъ вездѣ играютъ;
Сладкой воздухъ, травы и цвѣты
Райскїя здѣсь кажутъ красоты,
Ктобъ здѣсь жилъ? . . Ни кто мнѣ глазъ не кажетъ;
Вотъ дверь эта все мнѣ скажетъ;

Постучусь, . . отвѣта нѣтъ.
Въ недоумьѣ плачь и смѣхъ меня беретъ,
(увидя древо)
Что за чудно древо здѣсь ростетъ?
Яблоки на немъ златыя лишь родятся,
Сѣмка ихъ порву . . мнѣ въ нуждѣ пригодятся.

(Хочетъ къ дереву подойти, но появившійся Амуръ его удерживаетъ.)

Рецитативъ.

АМУРЪ.

Стой дерской! удержися
Иль съ жизнїю простися.

ДОРИСТЪ (испужавшись).

Ахъ! ахъ! ахъ!

АМУРЪ.

Брось твой страхъ
Я другъ твой вѣрной
Нелицемѣрной.

ДОРИСТЪ.

Ты другъ мнѣ? . . вотъ тѣ на!
Тебя въ первые вижу.

АМУРЪ.

Вглядись въ меня.

ДОРИСТЪ.

Ну! вижу.

АМУРЪ.

Ужъ ли не знаешь? . . .

ДОРИСТЪ.

Нѣтъ.

АМУРЪ.

Кто я, не понимаешь?

ДОРИСТЪ.

Нѣтъ, мой свѣтъ!

АМУРЪ.

Коль хочешь знать,
Я купидонъ:
Вселенна вся
Чтитъ мой законъ.
Вотъ сей стрѣлой
Сердца ражу.
Коль врагъ ты мой,
Такъ въ мигъ пронжу. (Хочетъ разить но Дористъ убѣгая кричитъ.)

ДОРИСТЪ.

Ай! ай! полно, полно, прекрати свои шутки, господинъ Богъ мальчикъ! я уже и такъ въ жизни, по твоей ко мнѣ милости, много тычковъ, пинковъ, пощочинъ, а иногда и дубинокъ перенїосъ.

АМУРЪ.

За то здѣсь хорошее житье достанешь, ежели не будешь глупъ.

ДОРИСТЪ.

Глупъ! . . . меня часто называли дерскимъ, низойливымъ, нахаломъ; а глупымъ никогда. А вотъ вашему божескому превосходительству такъ другова имяни и въ свѣтѣ нѣтъ; да чуть и не правдали! . . сказывай о чемъ дѣло.

АМУРЪ.

Я хочу унизить гордость моего смертельнаго врага, моей непримиримой соперницы, которая презираетъ мои стрѣлы, мое пламя, мои законы.

ДОРИСТЪ.

А кто твоя соперница?

АМУРЪ.

Дїяна, повелительница сего острова; не только сама гнушается мною, но и Нимфъ своихъ ненавидѣть меня даже до имяни заставляетъ.

ДОРИСТЪ.

Съ ума видно сошла, что вздумала вѣчно быть непорочною!

АМУРЪ.

Я хочу ей отомстить, и тебя выбралъ товарищемъ моего мщенїя.

ДОРИСТЪ.

Чтобъ я сталъ отомщать женщинамъ! я лучше дамъ себѣ вырвать всѣ зубы.

АМУРЪ.

Не упрямься, молчи, и слушай; Дїяна повелѣла тебя перенести во снѣ въ этотъ очарованной островъ, знаешь ли за чемъ?

ДОРИСТЪ.

За чемъ?

АМУРЪ.

Чтобъ ты былъ вѣчно холостъ.

ДОРИСТЪ.

Я вѣчно холостъ? . . . давай отмщать.

АМУРЪ.

И чтобъ ты во всю жизнь стерегъ это волшебное дерево, при которомъ Дїянины Нимфы испытываются въ цѣломудрїи и непорочности.

ДОРИСТЪ.

Пресмѣшныя испытанїи! а какъ они дѣлаются?

АМУРЪ.

Дїяна съ Нимфами, одна послѣ другой, проходятъ подъ этимъ деревомъ; оно вдругъ наполняется свѣтомъ, поетъ, и играетъ, ежели Нимфа непорочна: а ежели ощутила нѣкогда любовную страсть, то яблоки поражаютъ ее, обезображиваютъ, или дѣлаютъ уродомъ.

ДОРИСТЪ.

Точно повредилась матъ Дїяна. Проклятое это дерево срублю; всѣхъ ея дѣвушекъ

прельщу, воспламеню ее самое, весь островъ, садъ . . . .

АМУРЪ.

Ничего не здѣлаешь безъ моей помочи. Между тѣмъ безъ сего кольца никогда не дерзай приближаться къ этому дереву, ежели умереть не хочеть; сегодня же Дïяна почувствуетъ силу стрѣлъ моихъ! увидитъ она . . . собираются сюда люди, и сама Дïяна; притворися спящимъ . . вскорѣ узнаешь, что любовь всесильна. .

(账 Дористъ съ разными движенïями удивленïя садится на прежнее мѣсто. Амуръ уходитъ.)

Явленïе Третïе.

ДІЯНА на освѣщенной и цвѣтами украшенной лодкѣ, провождаемая Нимфами въ другой подобной лодкѣ БРИЗЕЯ, КЛИЦІЯ, ХЛОЕ и ДОРИСТЪ.

ДІЯНА.

Мѣста благоденства,
Душевна блаженства!
Въ васъ зримъ совершенства
Небесныхъ забавъ.
Въ прïятной намъ части,
Нѣтъ золъ ни напасти.
Развратныя власти
Любовной не знавъ.

БРИЗЕЯ, КЛИЦІЯ, ХЛОЕ
и др: Нимфы.

Соплетемъ мы вѣнцы, о другини!
Изъ лилей и изъ розъ для Богини,
Увѣнчаемъ владычицу нашу
Жизнь щастливу она намъ даетъ.
Непорочны въ насъ чувства вселяетъ,
Добродѣтель любить научаетъ,
И стрѣлой, что звѣрей поражаетъ,
Неповинность сердецъ стережетъ.

ДІЯНА.

Вотъ любезныя подруги тотъ юноша, котораго послала къ намъ судьба для стереженія священнаго древа; вооружите десницу его и плечи копіемъ моимъ, и колчаномъ: да будутъ они ему щитомъ и бронею противъ развратныя любови. Бризея! вскрой сосутъ влаги употребляемой нами, и окропи его каплями небесными, да перемѣнитъ прежнія свои привычки и обычаи. Поспѣшите сіе исполнить.

ДОРИСТЪ (вооруженный отъ Нимфъ копіемъ и колчаномъ.)

О какія красавушки! . . . гдѣ я! куда я попался! не дурна квартира здѣсь мнѣ будетъ! . . подойдите тка ко мнѣ . . дайте посмотрѣть на себя поближѣ. О солнцы! о лампады! о жемчужины женскаго

пола! знаете ли, дѣвушки! что вы мнѣ всѣ . . . всѣ нравитесь. Какъ эта бѣлянка прекрасна! какъ прелестна эта смуглянка! . . . и эта бѣлобрысинкая мила! по чести, всѣ хороши; нѣтъ ни одной, которая бы не стоила великой цѣны. Такъ у меня зубы розгорѣлись, что не знаю которую и выбрать.

ДІЯНА.

Дерзновенный! ты смѣешь предо мною говорить такія рѣчи?

ДОРИСТЪ.

Что же въ нихъ худова? Онѣ чистосердечны. Вы дѣвушки, дѣвушки прекрасныя! а я какъ пылкой идолопоклонникъ прелестей, во всѣхъ васъ влюбился, и ей! ей! всѣмъ вѣренъ буду.

ДІЯНА.

Нещастный! умолкни. Я Діяна, Богиня непорочности, врагъ любви и развратностей; въ моей области горѣть тебѣ нечистымъ пламенемъ неприлично: ты рабъ мой, берегись лютова мщенія, коль не покоришься.

ДОРИСТЪ.

Не къ статѣ, мать! спѣсива;
Не къ статѣ такъ бриклива,
Коль хочешь быть щаслива,
Цалуй въ мигъ молодца.

В знак будуща ладу
Брось гнев и досаду:
Вкушай лишь отраду,
Что зришь удальца.

Промеж твоей милости,
Промеж сих красушек;
Ах! сколько игрушек
Яб с вами завел!

Не льзя вам прекраснѣе
Сыскати дѣтины;
Мнѣ будьте дружины,
Я буду вам друг.

Давно мнѣ хотѣлось
Жить в женской серали;
Тѣ дни мнѣ настали,
У вас то нашел.

ДІЯНА.

Не могу болѣ сносить таких слов развратных: совлеките с него оружїе наше; а в наказанїе сумозбрадства его, да превратится сей изступленный безумец в бесплодное древо. (уходит)

(Дорист превращается в сухой пень. Нимфы повторяя послѣднїй хор уѣзжают на лодках.)

Явленіе Четвертое.

ЕНДИМІОНЪ, СИЛВІЙ съ ножемъ бѣгутъ изъ лѣсочка одинъ за другимъ: входятъ въ садъ скачучи по лодкамъ, которые находятся на рѣчкѣ. Потомъ АМУРЪ переодѣтой пастушкою.

Терцетъ.

ЕНДИМІОНЪ.

Люди! люди! помогите,
Смерть приходитъ, защитите!
Отъ злодѣя жизнь спасите!
Кто поможетъ въ сей бѣдѣ?

СИЛВІЙ.

Не убѣгнешь, врагъ несносной!
За поступокъ твой презлосной,
Отъ руки сей смертоносной,
Не спасешься ты нигдѣ.

(Хочетъ поразить но Амуръ удерживаетъ руку.)

АМУРЪ.

Удержись, престань, не злися,
Съ робкимъ пастухомъ смирися,
Или смерти самъ страшися,
За нево сражуся я.

ЕНДИМІОНЪ и СИЛВІЙ.

Ты! пастушка! . . .

АМУРЪ.

Да, пастушка.

СИЛВІЙ.

Какъ повелѣвать мнѣ смѣешь?

АМУРЪ.

Я велю: коль злость имѣешь,
Вотъ рази, здѣсь грудь моя.

СИЛВІЙ.

Что за смѣлость? Я дивлюся.

ЕНДИМІОНЪ.

Что за храбрость! ахъ боюся,
Весь отъ страха я трясуся.

СИЛВІЙ.

Для тебя на часъ смягчуся.

АМУРЪ.

Ножъ отдай мнѣ свой безъ спора,
И за что межъ вами ссора?

СИЛВІЙ.

Вотъ мой ножъ: будь власть твоя.

Всѣ трое.

Таковое приключенье,
Ихъ / Насъ приводитъ въ удивленье,
И не знаютъ / И не знаю въ изумленьѣ,
На явуль то иль мечта?
Гнѣвъ уже ихъ / мой изчезаетъ,

Злость любови уступаетъ,
Что за сладости вкушаетъ,
Ваше
Наше сердце и душа!

(Остаются въ молчанїи и въ глубокомъ удивленїи.)

АМУРЪ (грозно).

Ну! мои господчики! онѣмѣли вы, что ли?

ЕНДИМIОНЪ.

Чево желаешь, прекрасная Нимфа!

АМУРЪ (повелительнымъ голосомъ).

Хочу знать притчину вашей ссоры.

СИЛВIЙ (сквозь слезы).

Этотъ жестокой варваръ лишилъ меня всей радости, жизни; онъ убилъ мою милую собачку, какой лутче въ рощахъ и на поляхъ никто не видывалъ: я ее получилъ въ подарокъ отъ любезной пастушки; береги ее какъ глазу, говорили она, ежели собачка твоя умретъ, такъ и любовь моя къ тебѣ потухнетъ.

АМУРЪ.

Чудное дѣло! есть любовь по богатству, по чинамъ, но нашлась еще любовь по собачкѣ.

ЕНДИМIОНЪ.

Такъ; я убилъ ее, не бросайся на пастушекъ, не дѣлай язвъ моимъ овечкамъ, не гоняйся за ними по полю: онѣ бѣдниинькїя

тысячу разъ ломали себѣ ноги, и многїя убѣгая отъ нея въ овчарню, отъ задышки и распалу умирали; сегодня и меня было загрызла до смерти, ежели бъ я ее самъ не убилъ.

АМУРЪ.

Послушайте: тотчасъ помиритесь (Силвїю) я твою собачку опять воскрешу, (Ендимїону) а тебѣ твоихъ овецъ, ежели покажете мнѣ услугу.

ЕНДИМIОНЪ и СИЛВIЙ (вмѣстѣ).

Какую?

АМУРЪ.

Сыщите мнѣ мужа . . . да хорошинькова . . . чему вы дивитесь?

По моимъ ужъ зрѣлымъ лѣтамъ,
Мужъ мнѣ нуженъ поскорѣя,
Жизнь пойдетъ съ нимъ веселѣя;
Ахъ какъ скушно въ дѣвкахъ намъ!
Молодца по всѣмъ примѣтамъ,
И по нраву мнѣ сыщите,
Коль товаръ мнѣ добръ дадите,
Такъ скажу: спасибо вамъ.

(Во время Арїи Ендимїонъ и Силвїй ласкаются къ Амуру для снисканїя любви, и ищутъ ему нравится; Амуръ тѣмъ веселится.)

СИЛВІЙ (со стыдливостью).

Прелестная Нимфа! . . . Пускай ужъ собачка моя вѣчно мертва будетъ . . . . я . . . хочу . . . быть твоимъ мужемъ . . . ежели . . .

АМУРЪ.

Ха! ха! ха! нѣтъ, мой другъ! ты для меня не годишься; ты съ лишкомъ вспыльчивъ, я такъ же не устучива, такъ намъ и чортъ будетъ не братъ: я за тебя сосватаю сегодня такую красотку, съ которой ты уживешься какъ рыба съ водой.

ЕНДИМІОНЪ (про себя).

Ему отказано . . . дайка я попытаюсь; (громко) И я больше о своихъ овечкахъ не думаю. Какъ бы я щастливъ былъ . . . ежели бы . . . ты меня . . . по милости своей полюбила . . . .

АМУРЪ.

Ха! ха! ха! и ты мнѣ по милости своей не годишься (передражнивая Ендиміона) ты ужъ съ лишкомъ нѣженъ, томенъ; тебя я женю севодня же на такой важной и степенной барынѣ, которою будешь очень доволенъ: но прежде сего щастія, скажи мнѣ имѣешь ли сердце?

ЕНДИМІОНЪ.

Для услугъ твоихъ . . . львиное.

АМУРЪ.

Экъ нашъ пастушокъ разхоробрился; возьми же этотъ ножикъ . . . рѣжь это дерево.

ЕНДИМІОНЪ (съ улыбкою).

Только? (рѣжетъ дерево)

ДОРИСТЪ (изо всей силы).

Ай! ай! ай!

ЕНДИМІОНЪ (отскакивая пужается, Силвій такъ же, Амуръ смѣется).

Что за страшной голосъ! что за волшебство! (осмѣлясь нѣсколько) духъ ты . . . или человѣкъ . . . говори . . .

ДОРИСТЪ.

Въ конурѣ сей кочуетъ
Другъ женщинъ и дѣвицъ,
На то лишь негодуетъ
Что ихъ не видитъ лицъ;
За сильну склонность къ лапушкамъ,
Я въ древо превращенъ,
Достанется голубушкамъ,
Коль буду оживленъ.

АМУРЪ.

Нуже! что не рѣжешь?

ЕНДИМІОНЪ.

Боюсь . . . рука еще отсохнетъ.

АМУРЪ (къ Силвїю).

Инъ ты посмѣлѣя . . .

СИЛВІЙ (храбро).

О я очень смѣлъ . . . однако боюся; не равно самъ деревомъ стану?

АМУРЪ (вырывая ножикъ).

Смотрите трусы . . (рѣжетъ)

ДОРИСТЪ (кричитъ).

Ай! ай! ай! я зарѣзанъ.

АМУРЪ.

Лжешь, ты ожилъ.

(Амуръ скрывается, Дористъ превращается опять въ человѣка, Ендимїонъ и Силвїй въ разныхъ положенїяхъ ужаса.)

ЕНДИМІОНЪ.

Лишаюсь чувствъ.

СИЛВІЙ.

Каменѣю.

ДОРИСТЪ (зѣвая).

Непросторна была моя квартира! я былъ сжатъ какъ въ тискахъ; друзья мои кто изъ васъ меня опять очеловѣчилъ.

ЕНДИМІОНЪ.

Не я.

СИЛВІЙ.

Не я.

ДОРИСТЪ.

Кто же?

ЕНДИМІОНЪ.

Дѣвушка.

ДОРИСТЪ.

Онѣ всѣ въ меня влюблены: одна по любви меня одеревѣнила, а другая по любви же меня раздеревѣнила: какова она была?

ЕНДИМІОНЪ.

Какъ другія дѣвушки.

ДОРИСТЪ.

Хороша была или дурна?

ЕНДИМІОНЪ.

Прекрасна, безподобна, безпримѣрна!

ДОРИСТЪ.

О! прекрасныя, безподобныя, безпримѣрныя, меня всѣ любятъ; а куда провалилась Богиня!

ЕНДИМІОНЪ и СИЛВІЙ.

Какая Богиня?

ДОРИСТЪ.

По этому вы не знаете, что въ этомъ островѣ царствуетъ Діяна? и что эта мошедшая вдовушка или дѣвушка, чортъ знаетъ, сыграла со мною многія шушки?

ЕНДИМІОНЪ и СИЛВІЙ.

Какія? . . не знаемъ.

ДОРИСТЪ.

Послушайте: въ домѣ моемъ, до котораго, думаю, очень далеко отсюда, легъ я

спать спокойно. Дїяна приказала подвластнымъ себѣ дьяволамъ перенесть меня по тихонку по воздуху сюда, и положить спать тутъ (показывая на дерновникъ). Я просыпаюсь, вижу непостижимыя вещи: прибѣгаетъ ко мнѣ мальчикъ, называетъ себя Амуромъ: разказываетъ мнѣ все похожденїе и изчезаетъ. Приходитъ Богиня, и съ нею цѣлая стая пригожинкихъ дѣвушекъ, изъ которыхъ уже каждая какъ ягодка созрѣла: я влюбляюсь во всѣхъ (по моему обычаю) говорю имъ слова (разумѣется любовныя) набожная барыня Дїяна разгнѣвалась, надула щоки и губы, и превратила меня . . . во что вы думаете? Въ жасминъ? . . . Нѣтъ . . . въ лилею, въ розу? Нѣтъ . . . въ постельную собачку? Въ птичку? Нѣтъ . . . она оборотила меня въ сухой и бесплодной пень.

К в а р т е т ъ.

ЕНДИМIОНЪ.

Знать здѣсь водятся всїо черти,
Поскорѣе прочь уйдемъ.

СИЛВIЙ.

Ахъ спасемся бѣгствомъ смерти,
Вонъ тамъ лодка: уплывемъ.

ДОРИСТЪ.

Лодка прочь бѣжитъ: смотрите,
Новы козни отъ чертей.

АМУРЪ.

ВЪ клѣткѣ бѣдняки! сидите,
Не спасетесь изЪ сѣтей.

Всѣ четверо.

Цепѣнѣю,
Каменѣю,
КакЪ судбина кЪ намЪ строга.

АМУРЪ.

Ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха!

(СтоятЪ вЪ изумленіи на берегу рѣчки.)

Явленіе Пятое.

Тѣ же, БРИЗЕЯ, КЛИЦІЯ, ХЛОЕ не видя пастуховЪ.

БРИЗЕЯ.

ЭтотЪ молодчикЪ, которова Діяна вЪ дерево превратила, достоинЪ тово, чтобЪ мы на нево посмотрѣли.

(Начало явленія сего говорится полуголосомЪ.)

КЛИЦІЯ.

Веселой видЪ его мнѣ очень понравился, постараемся здѣлать его опять мущиною.

ЕНДИМІОНЪ (кЪ товарищамЪ)

Здѣсь три Нимфы.

ДОРИСТЪ.

Тише говори, не всполоши этихЪ птичекЪ.

ХЛОЕ.

Бѣда, ежели Дїяна здѣсь насъ застанетъ.

БРИЗЕЯ.

Она теперь прохлажается въ банѣ (увидя пастуховъ) ахъ сестрицы! здѣсь три молодчика!

КЛИЦЇЯ, ХЛОЕ (вмѣстѣ).

Ахъ! ахъ!

БРИЗЕЯ.

Ахти! какъ они сюда зашли! Богиня знать велѣла имъ сюда явиться для тово, чтобъ насъ испытать! ну! инъ испытывай же.

КЛИЦЇЯ.

Убѣжимъ, или нещастливы будемъ.

БРИЗЕЯ.

Какая ты несносная трусиха! можно ли бѣжать видя эти милые рыльцы. Прости непорочнѣйшая Дїяна! вѣдь въ лѣсахъ и поляхъ такихъ прекрасныхъ звѣрковъ нѣтъ. Подойдите къ намъ, молодчики! кто вы таковы! какъ сюда пришли? За какимъ дѣломъ?

ДОРИСТЪ (принуждая подступить Силвїя и Ендимїона кои робѣют

Подступай, не бойсь.

КЛИЦЇЯ.

Да и стражъ дерева съ ними?

ХЛОЕ.

Кто ево опять в мущину превратил!

БРИЗЕЯ.

Подойдите поближе . . еще поближе . . ведь мы не кусаемся.

СИЛВІЙ.

Что вам угодно?

БРИЗЕЯ.

Нам угодно, чтоб вы без всех пустых околичностей ясно сказали; друзья ли вы женщинам?

ДОРИСТ.

Превеличайшіе.

БРИЗЕЯ.

Хорошо, так подите же с нами, нас трое, и вас трое: лутче не льзя; пока Богиня купается, мы поговорим о любви.

ДОРИСТ.

Вот самое непорочное предложеніе.

КЛИЦІЯ.

В уме ли ты, глупинькая! куда их от глаз Діяниных спрячем?

БРИЗЕЯ.

В какую нибудь пещеру, в какую нибудь уголок храма, трудно ли женщине сыскать место, чтоб спрятать любовника.

КЛИЦІЯ.

Что съ нами будетъ, ежели Богиня ихъ увидитъ! какъ проходить подъ этимъ деревомъ! помнишь ли, въ чемъ мы всѣ клялися.

БРИЗЕЯ.

Помню все, но я лутче хочу съ дурнымъ лицемъ жить въ весельи, нежели съ красотою въ скукѣ: я на своемъ поставлю.

Явленіе Шестое.

АМУРЪ, ДІЯНА и прежніе.

АМУРЪ (изъ дверей не будучи еще видимъ).

Нимфы! Нимфы! Діяна идетъ.

КЛИЦІЯ.

Смерть наша!

ХЛОЕ.

Погибли мы!

БРИЗЕЯ.

Не робѣйте! (къ пастухамъ) спрячьтесь тотъ часъ въ эту пещеру (Нимфамъ) а вы бѣгите за мною.

(Всѣ рѣзбѣгаются скоро.)

ДІЯНА.

Изъяснись, дѣвица! за чемъ ты пришла?

АМУРЪ.

Я прислана къ тебѣ посланницею отъ Бога любви, отъ непобѣдимаго и страшнаго Амура, чтобъ ты въ сей же день покорилась его власти, чтобъ ты велѣла истребить сїе дерево, и позволила всѣмъ Нимфамъ питать въ себѣ любовное пламя. Ежели сего не исполнишь, то возвѣщаю тебѣ открытую брань.

ДІЯНА.

Я бъ заставила тебя тотчасъ раскаяться въ дерзости твоихъ словъ, безумная! ежели бы не уважила твоихъ лѣтъ и пола. Поди, скажи своему Божку, которому ты видно столь усердно покланяешься, что я брань имѣть съ нимъ готова, и его угрозы презираю. Когда заражаетъ онъ всю вселенную, то пусть взираетъ съ почитанїемъ изъ далека на тотъ островъ въ коемъ добродѣтель моя доставляетъ чесности и непорочности надѣжное убѣжище.

АМУРЪ.

Право, Дїяна! такїе громкїе слова меня смѣяться заставляютъ; ты столько прекрасна, столько мнѣ нравишься, что я бы за тобою поволочилась, ежели бъ я была мущина; для тово прощаю тебѣ эту величавую спѣсь, эту важную строгость, хотя ты и притворяешься.

ДІЯНА.

Я притворяюсь? Смѣешь ли такъ говорить съ Богинею?

АМУРЪ.

Эхъ! оставимъ Сударыня! чины и чванство, я и сама можетъ быть тебя не ниже: станемъ говорить свободно, для чево ты враждуешь противъ любви?

ДІЯНА.

Для тово что я знаю измѣнническія и злобныя ея свойствы; куда только вкрадется, сжетъ какъ огонь, пожираетъ какъ звѣрь, пронзаетъ и поражаетъ какъ мечь, насыщается кровїю, утѣшается слезами, лютѣе ада, жесточе смерти, врагъ жалости, исполнитель бѣшенства, короче сказать, любовь безъ любви.

АМУРЪ.

Какъ ты это знаешь, никогда не любивши?

ДІЯНА (въ смятенїи).

Мъ . . мъ . . какъ? . . . слыхала ли ты когда отъ безчисленной толпы любовниковъ чтобъ они иначе говорили?

АМУРЪ.

Эта безчисленная толпа любовниковъ не то говоритъ, что думаетъ.

Хоть бредятъ тамъ и сямъ,
Любовь есть злой мучитель,
Спокойства истребитель,
Вздыхать велитъ лишь намъ.
Не вѣрьте симъ словамъ;
Любовь даетъ блаженство,
Утѣхамъ совершенство,
И радости сердцамъ.

ДІЯНА.

Удались, ты несносна быть начинаешь.

АМУРЪ.

Не чванься, матушка! я вѣдь все знаю.

ДІЯНА.

Что ты знаешь?

АМУРЪ.

Что твои невинныя Нимфы съ любовью подружились больше, нежели ты думаешь, что при пяти ихъ зрѣлыхъ чувствахъ напрасно стараешься . . .

ДІЯНА.

Умолкни, нечестивая! не знаешь развѣ правилъ и клятвъ . . .

АМУРЪ.

Правила и клятвы въ такихъ дѣлахъ пустыя обряды. Дѣвушки вѣдь не слѣпы, онѣ вѣдаютъ что прежде правилъ Діяниныхъ,

существовали правилы любви, правилы сердца: что ты сама не была, и не будешь вѣчнымъ врагомъ любови, что только нѣкоторая странность въ умѣ . . .

ДІЯНА.

Дерская!

АМУРЪ.

Когда же сердишься, такъ смотри . . .

(Ударяетъ стрѣлою по пещерѣ, которая изчезаетъ и пастухи являются.)

Явленїе Седьмое.

ДІЯНА, АМУРЪ, ЕНДИМІОНЪ, СИЛВІЙ и ДОРИСТЪ.

ДІЯНА.

Боги! что за приключенье!
Зрю мущинъ! я въ изумленьѣ!
Чье то дерско ухищренье?
И ково должна карать?

ДОРИСТЪ, ЕНДИМІОНЪ и СИЛВІЙ.

Ахъ почто я въ часъ опасной,
Очутился здѣсь, нещастной!
Грозны рѣчи, видъ ужасной
Лютой казнью мнѣ грозятъ.

ДІЯНА (про себя).

Думаю, что Нимфа злая . . .

АМУРЪ (про себя же).

Точно Нимфа, но не злая . . .

ДІЯНА.

Мой приказъ пренебрегая . . .

АМУРЪ.

Тщетной гнѣвъ твой презирая.

ДІЯНА.

Смѣетъ честность забывая,
Въ сердцѣ мерску страсть питать.

АМУРЪ.

Смѣетъ, за себя отмщая,
И тебѣ велѣть пылать.

ДІЯНА.

Боги! что за приключенье и проч.

ДОРИСТЪ, ЕНДИМІОНЪ и СИЛВІЙ.

Ахъ почто я въ часъ опасной и проч.

АМУРЪ.

Вотъ стоятъ какъ осужденны!
Но на часъ утѣхъ лишенны
Станутъ, къ щастью возвращенны,
Лутче радости вкушать.

ДІЯНА.

Измѣнники! вы дерзаете столь нагло нарушать мои законы! низкіе смертные! вы смѣете оскорблять меня въ моемъ спокойномъ убѣжищѣ! ожидайте достойной себѣ

кары. Ахъ! почто я въ сей же мигъ не могу страшнымъ гласомъ вызвать изъ тартара злобныхъ фурїй! почто не могу вооружить противъ васъ всѣхъ лютѣйшихъ мукъ ада! почто не имѣю Юпитеровыхъ громовъ, чтобъ разразить и истребить васъ на вѣки.

(Уходитъ и запираетъ входъ.)

Явленїе Осьмое.

АМУРЪ, ЕНДИМІОНЪ, СИЛВІЙ и ДОРИСТЪ.

АМУРЪ.

Не бойтесь; это женскїя угрозы!

ДОРИСТЪ.

Да, не бойтесь, тово и смотри, какъ придутъ давить, или съ живова кожу драть, она не скажетъ словца на вѣтеръ.

АМУРЪ.

Нравится вамъ?

ЕНДИМІОНЪ, СИЛВІЙ, ДОРИСТЪ. (вмѣстѣ)

Кто? кто?

АМУРЪ.

Дїяна?

ДОРИСТЪ.

Какъ бы не колдунья и не бѣшена была . . .

ЕНДИМІОНЪ.

Для меня она очень мила.

СИЛВІЙ.

Кому она не понравится!

Сердце все
Таетъ въ мигъ,
Коль красы
Зришь ея.
Взглядъ одинъ
Радость льетъ
Рѣчь одна
Жизнь даетъ.
Ахъ почто
Въ ней душа
Ко любви
Не склонна;

АМУРЪ (Ендиміону и Силвію).

Кто же изъ васъ хочетъ ее къ любви преклонить?

ДОРИСТЪ.

Я, я ужъ многихъ преклонялъ.

АМУРЪ.

Ты молчи, говорите вы.

(Беретъ изъ закулиссъ связку стрѣлъ и отдаетъ по одной Ендиміону и Силвію.)

ЕНДИМІОНЪ и СИЛВІЙ.

Что намъ дѣлать прикажешь?

АМУРЪ.

Возмите.

ЕНДИМІОНЪ и СИЛВІЙ (бравши стрѣлы).

По томъ?

АМУРЪ.

Ступайте, кто первой изъ васъ съ нею встрѣтится и подкравшись поразитъ ее стрѣлою, тотъ и будетъ ею любимъ.

ЕНДИМІОНЪ.

Лечу.

СИЛВІЙ.

Бѣгу, но входъ запертъ.

АМУРЪ.

Постойте. (Ударяетъ стрѣлою въ дверь, которая въ мигъ растворяется настежъ.) Вотъ разтворилась.

ДОРИСТЪ.

Дьяволъ а не дѣвка, всему горазда.

Явленїе Девятое.

АМУРЪ и ДОРИСТЪ.

ДОРИСТЪ.

Прощай, и я иду за ними. (Дверь при приближенїи Дориста затворяется.)

АМУРЪ.

Не беспокойся напрасно, ты видишь, что и дверь тебя не пропускаетЪ.

ДОРИСТЪ.

ТакЪ вели ей пропустить; и я хочу около Дiяны попытаться, развѣ ты думаешь, что я не вЪ состоянiи поранить стрѣлою сердца женскаго.

АМУРЪ.

Очень вЪ состоянiи.

ДОРИСТЪ.

Для чево же не отпускаешь? Они тамЪ на добычѣ, а я вЪ бирюлки играю.

АМУРЪ.

Ты мнѣ здѣсь надобенЪ.

ДОРИСТЪ.

Ась! . . тебѣ? Взаправду?

АМУРЪ.

Взаправду; развѣ не кажусь тебѣ довольно пригожа?

ДОРИСТЪ.

Дай ка немношко на себя посмотрѣть.

АМУРЪ.

ОглядѣлЪ ли?

ДОРИСТЪ.

Мнѣ кажется, я тебя знаю, мнѣ здается, что ты мальчикЪ . . . смѣешься? . .

АМУРЪ.

Какъ не смѣяться! могутъ ли у мальчика быть такія острыя глаза, такая бѣлая рука, столь нѣжная кожа, столь статная ножка? Правда, есть у меня братъ, очень на меня похожій.

ДОРИСТЪ.

А зовутъ его?

АМУРЪ.

Амуръ.

ДОРИСТЪ.

А га! знай, мое сердце! что Амуръ мнѣ другъ; я съ нимъ многія дѣла имѣю; я весьма радъ вступить въ такое родство. Амуръ мнѣ будетъ шуринъ, Венера тіоща; отъ нашей фамиліи человѣческой родъ сильно размножится; женимся же.

АМУРЪ.

Изволь.

ДОРИСТЪ.

Когда?

АМУРЪ.

Этова вечера.

ДОРИСТЪ.

Такъ поздо?

АМУРЪ.

Прежде не льзя, потому что я должна съ Діяною напередъ кончить нѣкоторыя дѣла.

ДОРИСТЪ.

И тотъ часъ ко мнѣ возвратишься?

АМУРЪ.

Возврачуся.

ДОРИСТЪ.

Въ залогъ ручку.

АМУРЪ.

Вотъ она.

ДОРИСТЪ.

Мъ . . мъ . . ее только?

АМУРЪ.

И . . . съ нею . . . сердце.

ДОРИСТЪ.

Видно, что ты отродье Венерино.

(Цѣлуетъ многократно руку Амурову.)

АМУРЪ.

Лукаво сердечко!
Какое словечко
Сказалъ ты теперь?

ДОРИСТЪ.

Смѣкать ты умѣешь
Такъ все разумѣешь.

АМУРЪ.

Смѣкнула: повѣрь.

ДОРИСТЪ.

Ну чтожъ заключаешь?

АМУРЪ.

Что мною весь таешь.

ДОРИСТЪ.

А послѣ?

АМУРЪ.

Ты пылаешь . . .
Замолкни, безцѣнный!
Тобой вспламененный,
Ахъ полно духъ рвать.

ДОРИСТЪ.

И я свою руку
Хочу тебѣ дать.

АМУРЪ.

Скорѣй дай скорѣя
Еѣ цаловать.

ДОРИСТЪ.

Ахъ вся ты въ смятеньи!

АМУРЪ.

Ахъ весь ты въ волненьи!

ДОРИСТЪ.

Мнѣ жарко,
Мнѣ жарко.

АМУРЪ.

Будь смиренъ,

Будь смиренъ,

Ты долженъ пождать.

Повторяется :

Лукаво сердечко и проч.

(Амуръ уходитъ.)

ДОРИСТЪ.

Никогда не воображалъ я быть такъ щастливъ . . . въ сорочкѣ знать родился ; шолъ да нашолъ. Какъ бы поскорѣя до конца дойти. Ба ! помнится мнѣ, что я сегодня еще не обѣдалъ . . . да и есть не хочется . . . понимаю; въ здѣшнемъ мѣстѣ какъ и у протчихъ стихотворческихъ Боговъ ѣдятъ только воздухъ, а пьютъ только надежду . . . . когда же зубамъ моимъ нѣтъ работы, такъ на что и ногамъ трудиться ; семка попытаю немного здѣсь силу этова колечка.

Ф и н а л ъ.

Даристъ садится подъ дерево, которое вдругъ освѣщается и слышится за театромъ прiятная музыка.

ХОРЪ Генïевъ древа.

О юноша премудрый !

Что во младыя лѣта,

Отравы гнусны свѣта,
Оставилъ и презрѣлъ.
Вкушай въ награду щастье!
Что всѣмъ сердцамъ бесстрастнымъ,
Любови неподвластнымъ,
Дается здѣсь въ удѣлъ.

ДОРИСТЪ.

Отколь вдругъ сладко пѣнье!
Отколь вдругъ освѣщенье!
По всюду зрю прельщенье!
Куда я преселенъ!

ХОРЪ.

Лилейны и лавровы,
Вѣнцы тебѣ готовы.

ДОРИСТЪ.

Спасибо за обновы,
Я право изумленъ!

ХОРЪ.

Вкушай блаженства сладость,
Достойный всѣхъ честей!

ДОРИСТЪ.

О Боги что за радость,
Я щастливѣй царей.

Явленіе Десятое.

ТѢ же, ДІЯНА, БРИЗЕЯ, КЛИЦІЯ, ХЛОЕ и другія Нимфы имѣя въ рукахъ луки и стрѣлы.

ДІЯНА.

Скоро скоро поспѣшите
Мнѣ въ отмщеньи помогите,
Трехъ преступниковъ сыщите,
Пусть умрутъ въ глазахъ моихъ.

НИМФЫ.

Мы готовы на служенье,
На убивство, на отмщенье,
И Богинѣ въ угожденье,
Умертвимъ ихъ всѣхъ троихъ.

ДОРИСТЪ.

Вотъ дурное приближенье
Кажется, для ребръ моихъ.

ДІЯНА.

Гдѣжъ злодѣй?

НИМФЫ.

Споръ предъ нами.

ДІЯНА.

Стрѣлы въ луки поставляйте,
Прямо въ чучелу стремляйте,
Награжу васъ всѣхъ за то.

ДОРИСТЪ.

Ахъ! покаяться хоть дайте!
Добры люди, ну! прощайте.

ДІЯНА.

Убивайте, убивайте,
Слушать вамъ его на что?

НИМФЫ.

Пусть онъ будетъ весь разстрѣленъ,
Слушать намъ ево на что.

ДОРИСТЪ.

Ахъ! я буду весь разстрѣленъ,
Продыренъ какъ рѣшето.

Явленіе Одинадцатое.

Тѣ же и АМУРЪ, загораживающій Дориста щитомъ изъ розъ составленнымъ.

АМУРЪ.

Разите, разите,
Вашъ лукъ ужъ направленъ;
Изъ розъ щитъ составленъ;
Не трудно пробить.

ДІЯНА.

Что вижу? Что слышу?
Какая въ ней смѣлость!

Разите, разите,
Легко щитъ пробить.

НИМФЫ.

Всѣ члены хладѣютъ
И руки немѣютъ,
Уста каменѣютъ
Нѣтъ силъ говорить.

(Нимфы остаются съ поднятыми луками въ недвижимости и пр.)

ДОРИСТЪ.

Ты кстатѣ поспѣла,
Лебїодушка бѣла!
А тобѣ улетѣла
Душа на тотъ свѣтъ.

АМУРЪ.

Ково зберегаетъ,
Любовь защищаетъ,
Тотъ не ощущаетъ,
Напасти и бѣдъ.

ДІЯНА (къ Нимфамъ).

О робкія твари!
Сама я злодѣю
Дать гибель умѣю,
Коль сердца въ васъ нѣтъ.

(Принявшись за лукъ хочетъ разить.)

Явленіе Двенадцатое.

Тѣ же и СИЛВІЙ со стрѣлою удерживая руку Діяны.

СИЛВІЙ.

Стой, Богиня! и со мною
Храбрость окажи свою.

ДІЯНА.

Въ мигъ, преступникъ! сей стрѣлою,
Я исторгну жизнь твою.

(Намѣряется разить, но Амуръ ея удерживаетъ.)

СИЛВІЙ (колеблется прельщаясь взоромъ Діяны.)

Льзя ль сражаться съ сей красою.

АМУРЪ.

Поражай же.

СИЛВІЙ.

Ахъ мятусь.

ДІЯНА.

Отъ досады несравненной,
Скоро чувствъ своихъ лишусь.

СИЛВІЙ.

Отъ любви неизъясненной,
Скоро чувствъ своихъ лишусь.

НИМФЫ и ДОРИСТЪ.

ВЪ семЪ смятеньи,
ВЪ семЪ волненьи,
За себя и ихЪ боюсь.

Явленїе Тринадцатое.

ТѢ же и ЕНДИМIОНЪ который сдва вышедЪ поражаетЪ стрѣлою Дїяну вЪ сердце.

ЕНДИМIОНЪ.

ВотЪ способная минута!
КупидонЪ! на правь ударЪ.
Пусть Богиня знаешЪ люта,
И сама любовный жарЪ.

Всѣ:

О Боги! я вЪ смятеньи!
Какїя вЪ другЪ волненьи!
О Боги! вЪ семЪ мученьи
И смерть мнѣ не горка.

Что вЪ сердцѣ ощущаю?
ВЪ борбѣ страстей страдаю,
Любовь иль злость не знаю,
Вселилися вЪ меня.

АМУРЪ.

Оставишь ослѣпленьи,
КЪ любви свои презрѣньи,

И скажешь вЪ удивленьи,
Любовь не такЪ горка.

Напрасно ты гордилась,
Напрасно ты хвалилась,
Что вѣчно удалилась,
Любовнова огня.

ДІЯНА.

Гдѣ тотЪ дерзкой возмутитель,
Что стрѣлой меня пронзилЪ.

(Бросаяся кЪ Дористу который убѣгаетЪ.)

Ты мучитель?

ДОРИСТЪ.

НѣтЪ, нѣтЪ, не я.

ДІЯНА (кЪ Силвію).

Ты предатель?

СИЛВІЙ.

НѣтЪ, нѣтЪ, не я.

ДІЯНА (кЪ Ендиміону).

Ты преступникЪ?

ЕНДИМІОНЪ.

АхЪ умерЪ я!

АМУРЪ.

Я сЪ тобой; не трепещи.

ДІЯНА.

Сердце муки не вмѣщаетъ,
Злоба грудь мою терзаетъ,
Гласъ въ устахъ мой изчезаетъ,
Весь погибъ, изчезъ покой.

Дерзновенны злобны варвары!
Всѣ отъ глазъ моихъ сокройтеся,
Громы всѣ съ небесъ воздвигну я,
Чтобъ карать вашъ умыслъ злой.

НИМФЫ.

Гласъ и видъ ея ужасной,
Намъ грозятъ бѣдой опасной.

ЕНДИМІОНЪ, СИЛВІЙ, ДОРИСТЪ.

Прочь сокроюсь я нещастной,
Прочь сокрою зракъ я свой.

Я мѣста сіи оставлю,
Бѣгъ куда нибудь направлю,
Лютыхъ бѣдъ себя избавлю,
И спасу животъ тѣмъ свой.

АМУРЪ.

Видъ и гнѣвъ ея ужасной,
Имъ грозятъ бѣдой опасной,
Во судьбинѣ ихъ злощастной,
Я подамъ покровъ имъ свой.

Но сихъ мѣстъ я не оставлю,
И любить ихъ всѣхъ заставлю,
Въ ихъ сердцахъ мой тронъ поставлю,
Рабъ пускай всякъ будетъ мой.

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Явленіе Первое.

Театрѣ представляетѣ храмѣ Діянинѣ, окруженный рощею.

БРИЗЕЯ, СИЛВІЙ, ЕНДИМІОНЪ, и ДОРИСТЪ.

БРИЗЕЯ.

Я отъ узъ васъ свободила;
Прочь скорѣй отсель бѣгите,
Въ щастьѣ обо мнѣ вздохните,
И услугу вспомяните,
Ну! ступайте въ доброй часъ.

СИЛВІЙ, ЕНДИМІОНЪ и ДОРИСТЪ.

Нимфа! мы тобой спасенны;
За услуги несравненны,
Пусть Веверинъ сынъ священный,
Наградитъ тебя сто разъ.

БРИЗЕЯ.

Кто могъ видѣть безъ боязни,
Юношей толь милыхъ казни?

СИЛВІЙ, ЕНДИМІОНЪ и ДОРИСТЪ.

Память твоея пріязни

Сохранимъ до гроба въ насъ.

БРИЗЕЯ.

Дорогіе! ну прощайте,

Обнимаю всѣхъ трехъ васъ.

(Бризея уходитъ.)

СИЛВІЙ.

И на этотъ разъ избавились мы отъ страшной бури.

ДОРИСТЪ.

Благодаря Юпитеру и моей плѣннотворной красотѣ. Ежели бы Бризея не была въ меня влюблена, то не сняла бы тяжелыхъ цепей, въ коихъ мы были заклїопаны: жаль стало молодца: а по мнѣ и вы бѣдняки освобождены.

СИЛВІЙ.

Ты только хвастаешь, побѣжимъ.

ЕНДИМІОНЪ.

Да побѣжимъ, куда небо намъ путь покажетъ, и оставимъ этотъ страшной и варварской островъ, гдѣ любовь есть преступленіе.

ДОРИСТЪ.

Башка моя хотя умна, однако ни какъ понять тово не можетъ, какъ можетъ быть

на свѣтѣ женщина, которая всѣхъ любовниковъ и самую любовь посылаетъ къ чорту.

ЕНДИМІОНЪ.

Но гдѣ та Нимфа, которая намъ столь много обѣщала?

ДОРИСТЪ.

Женскія посулы на водѣ, братъ! пиши.

Явленіе Второе.

Тѣ же и ДІЯНА ведущая изъ храма БРИЗЕЮ покрытую флеромъ.

ДІЯНА.

Тщетно, злобная! убѣгаешь,
Тщетно гнусный твой зракъ скрываешь;
Всю твою измѣну знаю,
Мерзость всю души твоей.

(Поднимаетъ покровъ Бризеинъ.)

ДОРИСТЪ.

Опять мы въ просакъ попались.

ЕНДИМІОНЪ.

Новое нещастье!

ДІЯНА.

Бризея! беззаконная! теперь то понимаю всѣ мои оскорбленіи! всѣ твои пронырства! дорого ты заплатишь вину твоихъ пре-

ступленій; строго накажутся и эти злодѣй. Нисея, Аглара, Клиція, Армилла, Хлое, Ликора, всѣ ко мнѣ.

БРИЗЕЯ.

Богиня! помилуй!

СИЛВІЙ.

Обмираю.

ЕНДИМІОНЪ.

Погибъ я.

ДОРИСТЪ.

Дадутъ мнѣ карачунъ.

СИЛВІЙ, ЕНДИМІОНЪ и ДОРИСТЪ.

Ахъ сжалься, сжалься съ нами,
Ахъ сжалься, сжалься съ нею,
Ты милостью своею
Для насъ Богиня будь,
Вины забудь.

ДІЯНА.

Почто бывъ со врагами,
Мой гнѣвъ не свирѣпѣетъ?
Почто вся злость слабѣетъ?
Ихъ плачь пронзаетъ грудь?

Удались безплодная жалость! нѣтъ, вы достойны казней; пребудьте въ семъ поло-

женїи ни живы ни мертвы, доколѣ возвращуся.

(Дїяна уходитъ, Бризея, Силвїй, Ендимїонъ, и Дористъ стоя на колѣнахъ остаются недвижимы въ разныхъ положенїяхъ.)

Явленїе Третїе.

Тѣ же и АМУРЪ.

АМУРЪ.

Вотъ картина нова здѣсь!
Наша бѣдная Дїяна,
Какъ шальная обезьяна
Потеряла разумъ весь.
Вотъ картина нова здѣсь.

Повеселюся и я немного. (Дѣлаетъ съ Бризею и пастухами а особливо съ Дористомъ разныя шутки.) Силвїй! . . . Ендимїонъ! . . . Дористъ! . . , пробудитесь.

СИЛВЇЙ.

Что я былъ!

ЕНДИМЇОНЪ.

Кто возвращаетъ мнѣ чувствы!

ДОРИСТЪ.

Дай мнѣ еще схрапнуть . . . пострѣлъ бы тѣ . . . (проснувшись) гдѣ это я мыкался? . . . Кажется, былъ я въ такихъ го-

стяхЪ гдѣ по усу текло, а вЪ ротЪ не попало. (увидя Амура) А! ты здѣсь, лукавая Лиса! такЪ ли любятЪ своего жениха и друзей своихЪ?

АМУРЪ.

ЧемЪ ты не доволенЪ?

ДОРИСТЪ.

Посмотрите на насмѣшницу? (передражнивая) ЧемЪ ты не доволенЪ? А чемЪ еще быть довольну. По тому что ты полуколдунья и сестра Амурова, такЪ не думаешь ли играть твоимЪ мужемЪ какЪ чуркой?

СИЛВІЙ.

Вмѣсто пустословія подумаемЪ лутче какЪ избавиться отЪ Діяны.

ДІЯНА (за кулиссами).

ПойдемЪ, мои вѣрныя! пойдемЪ.

ЕНДИМІОНЪ.

Чу! слышите ли страшной ея голосЪ?

АМУРЪ.

Приближается моя побѣда (Ендиміону) ты останься здѣсь.

ЕНДИМІОНЪ.

КакЪ? . . .

АМУРЪ.

Надѣйся на меня; (Бризея) а ты, Нимфа! удались сЪ ними по покрытому кипарисно-

му пути къ Дїянину источнику, и ожидайте меня тамъ.

БРИЗЕЯ.

Ем-мъ-мъ-мъ.

ДОРИСТЪ.

Что это? Ты стала нѣмая? Тѣмъ лутче; ежели языкъ только отнялся, а другїе чувства цѣлы остались, такъ ты дѣвица прелюбезная; многїя бы мужья пожелали своимъ женамъ такую участь. Видно голубушка что ты въ жизни была съ лишкомъ болтлива.

(Бризея, Силвїй,干Дористъ уходятъ а Амуръ прячется между деревьями.)

Явленїе Четвертое.

ЕНДИМІОНЪ, ДІЯНА, КЛИЦІЯ, ХЛОЕ, со многими другими Нимфами; АМУРЪ скрываяся.

ДІЯНА (выбѣгая).

Вотъ здѣсь преступники.

КЛИЦІЯ.

Ихъ здѣсь нѣтъ (про себя) хорошо что ушли.

ХЛОЕ (про себя же).

Какъ я объ нихъ жалѣла.

ДІЯНА.

Боги! . . . недостойная съ любовниками

убѣжала! . . . Боги! . . . кто мнѣ враждуетъ? . . . Кто возвратилъ имъ опять чувствы? Хоть ты, вѣроломный юноша! хоть ты одинъ будь жертвою моего мщенія; умри предатель.

КЛИЦІЯ.
Помилуй . . .

ХЛОЕ.
Нещастной . . .

Всѣ Нимфы удерживаютъ руку Діянину въ разныя положеніи себя поставя, и крича иная *ахъ* иная *сжалься*; иная *ради Боговъ* иная *удержись*; картина сія должна быть поразительна.

ЕНДИМІОНЪ (на колѣняхъ).
Помедли . . .

Ахъ сколько ты, жестока!
Смертей даешь нещастну!
Даютъ мнѣ смерть ужасну
Твои суровы очи:
Даютъ мнѣ смерть несносну,
Свирѣпыя уста.
Оставь мой вѣкъ плачевной
Для жертвы повседневной
Своей ты злобѣ гнѣвной.
Почто ты столь люта!

ДІЯНА.

О рокъ! какое неизвѣстное чувствіе вселяется мнѣ въ сердцѣ! жалость ли то, или боязнь? Состраданіе или . . . стыжусь сказать! . . . люб . . . гдѣ дѣвалась прежняя горделивость! . . . что удерживаетъ мои удары! . . . кто смягчаетъ пламень моего гнѣва! . . . . непорочныя Нимфы! разите вмѣсто меня, пусть ваши чистыя руки будутъ орудіемъ моей мести.

КЛИЦІЯ.

Мнѣ поражать?

ХЛОЕ.

Такова милинкова молодчика?

КЛИЦІЯ.

Нѣтъ! мы не дадимъ его убить.

(Клицїя, Хлое уводятъ подъ руки Ендимїона и всѣ нимфы отходя кричатъ нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ.)

ДІЯНА.

Стойте! стойте! . . . уже и Нимфы мнѣ не повинуются! небо! какое иступленіе помрачило ихъ мысли! какое могущество меня сильнѣйшее противоборствуетъ Дїянѣ! чево желаетъ судьбина! чево отъ меня требуетъ! . . . пойду тотчасъ къ первосвященнику; онъ совѣщаетъ съ Юпитеромъ и судьбами; пусть мнѣ совѣтъ подастъ въ непостижномъ моемъ состоянїи. (уходитъ)

Явленіе Пятое.

АМУРЪ (является изъ за деревья).

Все идетъ, нельзя лутче; развяска ужъ недалека; не только заставлю Діяну влюбиться, и дѣвушекъ ея отъ скушнаго рабства избавлю, но и повеселюсь на счетъ Богини предъ всѣмъ Олимпомъ. Какъ мальчикъ рѣзвой я очень люблю шутить съ Богами и человѣками, а особливо съ женщинами; но берегитесь, шутки мои даютъ и жизнь и смерть.

Явленіе Шестое.

(Театръ представляетъ пріятную рощу.)

КЛИЦІЯ, ХЛОЕ и ЕНДИМІОНЪ.

ХЛОЕ (скрывая Ендиміона между деревьями).

Остановись немного здѣсь.

КЛИЦІЯ.

Да стой смирно, не показывайся ни кому; мы должны говорить о весьма важномъ дѣлѣ.

ЕНДИМІОНЪ.

Кончите скорѣя вашъ разговоръ, я боюсь, трушу.

КЛИЦІЯ.

Мнѣ кажется мы очень дурно поступили; взбунтовались противъ Богини . . .

ушли съ мущиною . . . что съ нами будетъ ежели Дїянѣ въ руки попадемся; она не приметъ въ оправданїе что наше слабое сердце во всемъ виновато.

ЕНДИМIОНЪ.

Дѣвушки! дольго ли еще ждать?

ХЛОЕ.

Чемъ же намъ поправить нашъ проступокъ? Развѣ уйти? Да куда? И какъ?

КЛИЦIЯ.

Мы опять придемъ въ милость Богини, ежели принесемъ ей ненавистную голову Ендимїонову; убьемь ево.

ЕНДИМIОНЪ.

Нимфы! я терпѣнїе теряю.

ХЛОЕ.

Я согласна, умертвимъ его . . . онъ же такой несмѣлой, такой стыдливой . . .

ЕНДИМIОНЪ.

Меня ужъ дрожь пронимаетъ.

КЛИЦIЯ.

Послушай, любезный другъ! небо тому свидѣтель, какъ тебя любимъ . . .

ЕНДИМIОНЪ.

Тѣмъ лутче, что любите.

КЛИЦІЯ.

Но оно видитъ такъ же, что не по намѣренію . . . . а по нуждѣ . . . . хотимъ тебя . . . скажи ему ты Хлое.

ХЛОЕ.

Сама сказывай . . . идутъ люди.
(Смотрятъ на всѣ стороны.)

КЛИЦІЯ.

Поразимъ его, не говоря ни слова.
(Нимфы натягиваютъ луки со стрѣлами и хотятъ поразить Ендиміона.)

ХЛОЕ.

Поразимъ.

СИЛВІЙ (отводитъ луки Нимфъ).

Остановитесь, безбожныя! смотри Ендиміонъ что съ тобою дѣлается.
(Нимфы убѣгаютъ.)

ЕНДИМІОНЪ.

Небо! что вижу! часъ отъ часу наше нещастіе здѣсь умножается:

Убѣгнемъ скорѣя,
Изъ Адскихъ сихъ мѣстъ.
Всегда здѣсь крушишься,
Всегда здѣсь боишься,
Въ минуту насъ каждую,
Смерть кажется съѣстъ.

СИЛВІЙ.

Отсель я быстрѣя,
Летѣлъ бы орла;
Но всюды преграды,
Для нашей досады;
Не знаю гдѣ вылѣсти,
Съ какова угла.

АМУРЪ (стоя за кустами).

Смущенны, смятенны,
Стоятъ здѣсь друзья,
Надъ ними подшпыню,
Имъ шутки закину;
Межъ нихъ невидимкою,
Стоять стану я.

ЕНДИМІОНЪ.

Итти сей тропинкой?
Ко храму помѣтимъ.

СИЛВІЙ.

Итти сей долинкой?
Діяну мы встрѣтимъ.

ЕНДИМІОНЪ и СИЛВІЙ.

Вотъ эта насъ рощица,
На путь проведетъ.

АМУРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ.

ЕНДИМІОНЪ и СИЛВІЙ.

Иль эхо иль лѣши,
Кричатъ страшно такъ.

АМУРЪ.

Такъ, такъ, такъ, такъ, такъ.

ЕНДИМІОНЪ и СИЛВІЙ.

Дрожу, цепѣнѣю,
Отъ страха хладѣю,
Я весь каменѣю,
Темнѣетъ мой зракъ;
Кричатъ отъ сюда, такъ.

АМУРЪ.

Такъ, такъ.

ЕНДИМІОНЪ и СИЛВІЙ.

Кричатъ отъ туда нѣтъ.

АМУРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ.

ЕНДИМІОНЪ и СИЛВІЙ.

Бѣжать иль быть мнѣ здѣсь?

АМУРЪ.

Здѣсь, здѣсь.

ЕНДИМІОНЪ и СИЛВІЙ.

Отъ ужаса умріошь.

АМУРЪ.

Вріошь, вріошь (подошедъ къ нимъ). Ваша служанка, милостивые господчики!.. да обернитесь ко мнѣ . . . принимають ли такъ кисло дѣвицу моей красоты?

СИЛВІЙ.

Что за чортъ! да отъ куда ты взялась?

АМУРЪ.

Отъ туда же, откуда и вы.

ЕНДИМІОНЪ.

Такъ это ты надъ нами смѣялась?

АМУРЪ.

Конечно я говорила такъ и нѣтъ, здѣсь и вріошь.

СИЛВІЙ.

Да гдѣ ты въ это время была?

АМУРЪ.

Здѣсь за этимъ кустомъ.

ЕНДИМІОНЪ.

А голоса къ намъ приходили съ разныхъ сторонъ. Ахъ Нимфа! что за веселье находишь ты стращать двухъ нещастныхъ трусовъ?

АМУРЪ.

Я вѣдь полусумошедшая, рѣзвиться очень люблю.

СИЛВІЙ.

Сжалься надъ нами и избави насъ изъ этова смертоноснова жилища.

АМУРЪ.

Потерпите немного, радостная минута недалеко, все мученіе превратится въ утѣху:

Лучь ясный щастья,
Прогнавъ ненастья,
Въ коротко время
Освѣтитъ васъ.

Едину радость,
Покой и сладость;
Душа лишь станетъ
Вкушать всякъ часъ.

(уходятъ)

Явленїе Седьмое.

(Театръ представляетъ великолѣпный и окруженный кипарисными деревьями гротъ, во внутренности коего бїютъ фонтаны.

ДОРИСТЪ сидящїй на одной сторонѣ а БРИЗЕЯ на другой.

ДОРИСТЪ.

Битой часъ копчу здѣсь небо, сложа ручки, и безъ всякой прибыли; незнакомка не приходитъ; Сидвїй, не знаю куда, урылъ, а эта не говоритъ. Скушна бесѣда съ самимъ собою, а ждать по неволѣ надобно; стану еще пучеглазить.

БРИЗЕЯ (громко).

Ахъ! ахъ!

ДОРИСТЪ.

Вздыхаетъ . . . и на меня глядитъ? . . . Конечно въ меня влюбилась; харка та ея довольно смазлива; посмотримъ ка . . . не удастся ли мнѣ въ теперешной праздности . . . такъ на гулянкахъ . . . ну ну ну право хороша . . . а что лутче всего, нѣма. Рѣдкая въ женщинахъ вещь! . . . могу на ней жениться . . . да я другой обѣщалъ . . . что нужды! послушай, лебедь! . . .

БРИЗЕЯ.

АхЪ!

ДОРИСТЪ (про себя).

Еще вздыхаетЪ! кланяется! знакЪ доброй! (громко) я тебѣ кажусь прекрасенЪ? . . . . усмѣхается. Любишь ты меня?

БРИЗЕЯ (будто сЪ насилїемЪ выговаривая).

Ду . . . ракЪ.

ДОРИСТЪ.

ЭхЪ! ты хотѣла сказать такЪ, да языкЪ иначе поворотился; станемЪ лутче о любви говорить знаками (дѣлаетЪ многїя любовныя комическїя знаки) разумѣла ли? Что скажешь?

БРИЗЕЯ (дѣлая такЪ же любовныя знаки).

АхЪ! ахЪ! ахЪ!

ДОРИСТЪ.

ВотЪ теперь тебя понялЪ, и всегда понимать буду, потому что я вЪ дѣлахЪ любовныхЪ записной и присяжной профессорЪ:

Естьли ты глазки нѣжныя,
КЪ Дористу поведїошь,
Пальчиками какЪ бѣлыми,
Мнѣ рученьку пожмїошь;

Какъ дашь мнѣ оплеуху,
По рылу иль по уху;
Мой Идолъ! этотъ знакъ
純 Дористъ пойметъ ужъ такъ.

Коль скажешь: обожаю,
Я вся, мой свѣтъ! твоя,
Тобой однимъ пылаю;
Я въ мигъ то отгадаю,
Скажу: люблю и я.

Когда ты покраснѣешь,
Потупя взоръ очей,
Или вся онѣмѣешь,
Съ какихъ нибудь затѣй;
О всѣхъ сихъ безпокойствїяхъ
Мнѣ скажетъ твой тупей.

Прими сїе колечко,
На пальчикъ вздѣнь, сердечко!
Поладимъ мы съ тобою,
Какъ будто листъ съ травою,
Какъ будто мужъ съ женою.
Подставь ко мнѣ губїонки,
Дай поцалуя съ три.

(Когда Дористъ наклоняется цаловать Бризею, Амуръ даетъ ему не взначай пощочину или больше, и поетъ передражнивая послѣднюю строфу.)

Явленіе Осьмое.

Тѣ же АМУРЪ, ЕНДИМІОНЪ, СИЛВІЙ, КЛИЦІЯ и ХЛОЕ.

АМУРЪ.

Прими сїе колечко и проч.

ДОРИСТЪ (держа руку на щекѣ).

Хорошъ поцалуй мнѣ достался! только рука твоя цалуется чертовски.

АМУРЪ.

Это еще цвѣточки.

ДОРИСТЪ.

А будетъ еще хуже? (плачетъ) Прикомшитъ меня до смерти.

АМУРЪ.

Увидишь вскорѣ: теперь не досугъ. Діяна идетъ, стойте всѣ неподвижно: я здѣлаю, что вы покажетесь въ глазахъ ея деревьями или каменьемъ.

ЕНДИМІОНЪ.

Помилуй, не введи въ новую бѣду.

АМУРЪ.

Надѣйся на меня; а ты Бризея перестань быть нѣмою.

ДОРИСТЪ.

На что? На что? Я бы можетъ быть женился на ней, естьли бъ была безъ языка.

АМУРЪ.

Тогда въ десять разъ больше заговоритъ.

ДОРИСТЪ.

Такъ чортъ ли въ ней.

Явленїе Девятое.

Тѣ же и ДІЯНА.

ДІЯНА.

Часъ отъ часу умножается мое смятенїе! новыя чувствїи попремѣнно колеблютъ всю душу. Презрѣнна, оставлена отъ всѣхъ нимфъ, сама себя не понимаю; но назначенный часъ для тайнаго свиданїя съ первосвященникомъ приближается, пока онъ придетъ, могу воспользоваться банею; на семъ деревѣ повѣшу мою епанчу, чтобъ онъ видѣлъ, что я здѣсь при источникѣ.

(Повѣшиваетъ свою мантїю на Дориста, мнимый камень.)

А лукъ и стрѣлы положу при входѣ.

(входитъ)

АМУРЪ.

Какое прелестное мѣсто! . . . созданное для любви! (читаетъ надпись) здѣсь цар-

ствуетъ Діяна. Это ошибкою написано: надобно такъ (трогаетъ стрѣлою написанное, и оно перемѣняется) читайте:

СИЛВІЙ, ЕНДИМІОНЪ и ДОРИСТЪ.
(вмѣстѣ)

Здѣсь царствуетъ Богъ любви.

ДОРИСТЪ.

Это бѣсъ а не женщина!

АМУРЪ.

Пока Діяна въ банѣ, начнемъ наше предпріятіе; хочу веселиться: пойте со мною. (Являются многіе нимфы, которыя по Гимну танцуютъ)

Гимнъ.

АМУРЪ (одинъ).

Все въ свѣтѣ мученье,
Все грусть, суета,
Пустое прельщенье,
Иль тѣнь иль мечта.

Любовь лишь утѣхи,
Забавы и смѣхи,
Вкушать безъ помѣхи,
Даетъ лишь одна.

Всѣ:

Любовь человѣчеству,
Блаженства творецъ;

Любовь для нещастливыхъ
Отрада сердецъ.

Вся тварь оживленна
Любви покоренна;
Любви вся вселенна,
Сплетаетъ вѣнецъ.

ДІЯНА (изъ нутри).

Кто осмѣливается нарушать мой сладкой покой?

ДОРИСТЪ.

Госпожа Луна деретъ горло исправно широко.

АМУРЪ.

Скорѣя Ендиміонъ сядь тутъ, не шевелись или спи (покрываетъ Ендиміона мантіею Діяниною) пока Діяна тебя не разбудитъ; (Сильвію) ты спрячься тутъ (Дористу) а ты съ Нимфами бѣги ко храму.

ДОРИСТЪ.

Экой хабаръ привалилъ! для инова одной жены довольно, а у меня ихъ цѣлое стадо.

(Уходитъ обнимая Нимфъ.)

АМУРЪ.

Вмѣсто Діяниной стрѣлы положу я свою, чтобъ она весь любовной пламень вмѣстила въ ея сердце.

Явленїе Десятое.

ДІЯНА, ЕНДИМИМІОНЪ подъ епанчею, СИЛВІЙ между деревъ на правой, а АМУРЪ на лѣвой сторонѣ.

ДІЯНА.

Дерскїе! . . . но они ушли . . . что я вижу! чья злодѣйская рука сїе начертала! кто епанчу мою переложилъ съ мѣста? (поднимаетъ ее немного) Боги! здѣсь Ендимїонъ! . . какъ онъ прекрасенъ . . эти позлащенные власы . . . этотъ розовой румянецъ . . . убѣгу (уноситъ мантїю и идучи беретъ лукъ и стрѣлу). Небо! небо! что за огнь пролился мгновенно по жиламъ . . . сердце трепещетъ . . горю . . пламѣнѣю . . ноги воспящаютъ мнѣ отселѣ удаляться . . еще на него посмотрю (приближается опять къ Ендимїону) Ендимїонъ! . . . какая нѣжность! младость! . . . что дѣлаю, нещастная!

ЕНДИМИОНЪ (во снѣ).

Дїяна! моя Богиня!

ДІЯНА.

Сладкїй его гласъ проницаетъ всю внутренность души моей . . разбужу его . . (хочетъ будить) что предпрїемлю . . нѣтъ.

Разкличетъ тихо
Его мой гласъ,
Пускай очнется;
Когдажъ проснется,
Отъ милыхъ глазъ,
Уйду тотчасъ.
Ендимїонъ!
Ендимїонъ! (трогаетъ его и убѣгаетъ)

ЕНДИМIОНЪ.

Кой гласъ внезапный
Мой сонъ прїятный
Возмогъ прервать?
(оглядывая по всюду)
Никакъ приснилось,
Иль такъ помстилось;
Хочу я спать,
Засну опять.

ДIЯНА (подходя на цыпкахъ).

Нѣтъ! не покину
Я шутокъ съ нимъ,
Въ нево я кину
Кремешкомъ симъ.
(Поднимаетъ съ земли камешокъ и бросаетъ.)

ЕНДИМІОНЪ (вставши).

ВЪ меня бросаютЪ,

Знать прочь сгоняютЪ;

УйдемЪ.

ДІЯНА.

Постой,

Любезной мой! . . . (удерживаетЪ и закрываетЪ рукою Ендимїону глаза.)

ДІЯНА.	ЕНДИМІОНЪ.
ОбЪятье нѣжное	ОбЪятье нѣжное
ОчесЪ прекрасныхЪ,	Руки прекрасной
РаждаетЪ новый жарЪ	РаждаетЪ новый жарЪ
ВосторговЪ страсныхЪ.	Любови страсной.
Вся таетЪ, кажется,	Вся таетЪ, кажется,
Во мнѣ душа.	Во мнѣ душа.

ЕНДИМІОНЪ.

Но дай мнѣ вѣдать,

Кто ты, драгая?

ДІЯНА.

Пусть сердце скажетЪ,

Кто я такая.

ЕНДИМІОНЪ.

Оно сгораетЪ:

Тобой пылаетЪ;

Но ахъ не знаетъ
Заразъ драгихъ.

ДІЯНА.

Скрываться долѣе
Нѣтъ силъ моихъ;
(отнимаетъ отъ глазъ руку.)
Смотри, кто таетъ
Въ цепяхъ твоихъ.

ЕНДИМІОНЪ.

Діяна! . . .

ДІЯНА.

Мой милой!

ЕНДИМІОНЪ.

Мечта иль въ явѣ!

ДІЯНА и ЕНДИМІОНЪ.

О Боги! дайте
Сіи утѣхи
Намъ безъ помѣхи
Вкушать всегда.

(отходятъ)

Явленїе Одинадцатое.

АМУРЪ и СИЛВІЙ.

СИЛВІЙ (въ досадѣ).

Какъ Ендимїонъ щасливъ! а я... я стоя тамъ языкъ и губы обкусалъ себѣ съ досады. Ендимїонъ щасливъ! а я...

АМУРЪ.

А ты будешь еще щасливѣе, когда...

СИЛВІЙ.

Когда развѣ ты меня полюбишь.

АМУРЪ.

Когда исполнишь мои приказанїи: для того премѣнись лицемъ, одеждою, голосомъ въ жреца Дїянина.

(Амуръ трогаетъ стрѣлою Силвїя, который преобращается въ старика.)

Вотъ теперь не подашь собою ни кому подозрѣнїя. Послушаемъ ка, старичокъ, что ты о любви заговорилъ.

СИЛВІЙ.

Препрїятнѣйшая Нимфа! или паче сказать, Богиня! пресвѣтлое твое лице то изобразуетъ, преясныя твои очи то сказываютъ, пребѣлыя твои руки... пречистыя...

АМУРЪ.

О какъ старики изъясняются въ любви прескушно! престрастный, препламенный, превлюбленой дѣдушка! мнѣ недосугъ тебя слушать, поди за мною, я научу тебя, что дѣлать. (уходятъ)

Явленїе Двенадцатое.

ДОРИСТЪ, БРИЗЕЯ, КЛИЦЇЯ, ХЛОЕ по томъ АМУРЪ.

(Нимфы тащатъ Дориста одиа за платье другая за ухо, третїя за волосы.)

КЛИЦЇЯ.

Плутъ! любишь меня въ вѣкъ клялся,
Нада сердце мнѣ отдать.

ХЛОЕ.

Ты жениться обѣщался,
Долженъ слово мнѣ здержать.

БРИЗЕЯ.

За себя меня, безчестной!
Непремѣнно долженъ взять.

ДОРИСТЪ.

Въ чести мужъ я всѣмъ извѣсной,
Знаю должность исполнять.

КЛИЦЇЯ.

Мой ли точно?

ДОРИСТЪ.

Такъ, твой точно.

ХЛОЕ.

Мой ли вѣрно?

ДОРИСТЪ.

Такъ, твой вѣрно

БРИЗЕЯ.

Мой ли вѣчно?

ДОРИСТЪ.

Такъ, твой вѣчно.
Думалъ межъ толпою всею
Лишь одну нажить своею;
А теперь чортъ трехъ на шею,
Мнѣ изволилъ накачать.

3 Нимфы.

Ну скорѣе, ну рѣшися,
Обмануть ты насъ не льстися,
Или съ жизнїю простися;
Нада тотчасъ умирать,
Станемъ кожу съ плута драть.

БРИЗЕЯ.

Ну изъяснись тотчасъ, вѣтрѣникъ!

КЛИЦІЯ.

Говори.

ХЛОЕ.

Ково выбираешь?

БРИЗЕЯ.

Да, ково?

ДОРИСТЪ.

Тебя.

КЛИЦІЯ.

Ково?

ДОРИСТЪ.

Тебя.

ХЛОЕ.

Ково?

ДОРИСТЪ.

Тебя.

БРИЗЕЯ.

Да стой тутъ между нами (поставляютъ его такъ чтобъ онъ всѣмъ былъ видимъ) не перескакивай какъ сорока.

КЛИЦІЯ.

И говори не тихомолкомъ.

ДОРИСТЪ.

Да дайте хоть духъ перевесть; подождите.

БРИЗЕЯ.

Чево ждать? ты долженъ жениться на мнѣ.

КЛИЦІЯ.

Нѣтъ на мнѣ.

ХЛОЕ.

Лихъ на мнѣ.

ДОРИСТЪ.

Я на васъ женюсь на всѣхъ.

БРИЗЕЯ, КЛИЦІЯ и ХЛОЕ.

Умри же измѣнникъ . . . (бьютъ)

ДОРИСТЪ.

Государи! государи! карауль!

АМУРЪ.

Ни што, другу.

ДОРИСТЪ.

Ахъ любезное мое полусупружье! избавь меня отъ тычковъ, щипковъ и царапанья этихъ бѣшеныхъ вострухъ, они меня до смерти уходятъ.

АМУРЪ.

Ты достоинъ тово.

БРИЗЕЯ.

Впередъ остережешься, плутъ! смѣяться надъ женщинами.

ДОРИСТЪ.

И другу и не другу закажу.

БРИЗЕЯ.

Ежели бъ не эта госпожа, я бы тебя всего искусала.

КЛИЦІЯ.

А я бы удавила.

ХЛОЕ.

А ябъ всѣ волосы вищипала.

АМУРЪ.

Повѣрьте мнѣ, что онъ получитъ достойное наказанїе . . разбѣжимся, Дїяна съ Ендимїонномъ приходятъ. (Нимфы отходя дѣлаютъ разныя угрозы Дористу.)

Явленїе Тринадцатое.

ЕНДИМІОНЪ и ДІЯНА, увѣнчаны и связаны цвѣтами.

ЕНДИМІОНЪ.

Утѣха души моей! еще ли ты досадуешь на перемѣну свою, еще ли не кажется тебѣ прїятнѣе питать въ сердцѣ своемъ любовь, нежели бѣгать по рощамъ и убивать звѣрей.

ДІЯНА.

Я раскаяваюсь о потерянномъ времяни: но награждаетъ меня прїобрѣтенїе твоего сердца, возлюбленной! обрати ко мнѣ милыя очи, дай мнѣ довольно прелестью ихъ насладиться ахъ! какъ ты на меня смотришь! . . ты вздыхаешь? Безподобный! . . ты краснѣешь? Твои румянецъ всѣ красоты небесъ мнѣ представляетъ: понимаю твои вздохи, понимаю твои взгляды: ты ими знать даешь, что и ты мною пылаешь.

Явленїе Четырнадцатое.

Тѣ же и АМУРЪ, который не показываясь говоритъ голосомъ Силвїя и по томъ СИЛВІЙ въ видѣ жреца.

АМУРЪ.

Дїяна!

ДІЯНА.

Ахъ! это голосъ первосвященниковъ! удалися на часъ отъ меня, любезный!

ЕНДИМІОНЪ.

Чтобъ я съ тобой разлучился? . . . Я умру съ печали. Чего боишься? Ты царица . . . Богиня . . . можетъ быть стыдишься, жестокая! нашей любови.

ДІЯНА.

Речитативъ.

Престань неправедно Дїяну укорять,
Престань упреками мнѣ душу раздирать;
Коль горько мнѣ съ тобой растаться,
То Боги зрятъ, то видишь ты и самъ.
Я каждой мигъ хочу тобой прельщаться . . .
Но ахъ! . . . . теперь нужна разлука намъ.

Законъ мой, честь и слава
Исполнить то велятъ.
О сладость дней моихъ! души моей забава!
Любезной! . . . коль судьбы тово хотятъ,
Оставь меня . . . . на время разлучимся . . .
Во утѣшенїе твое
Объятье первое возьми съ собой мое.
Мой рвется духъ . . . ну жизнь моя! . . простимся.

Видъ прелестный моихъ желанїй!
Чувствъ плѣненныхъ драгой предмѣтъ
За тобою среди пыланїй
И душа въ слѣдъ моя пойдетъ.
Первый Ендимїонъ и единой
Въ страстномъ сердцѣ семъ впечатлѣнъ,
Ни какой изъ него судьбиной,
Въ вѣкъ не можешь быть истребленъ.
Удалисяжъ . . . подобна мука
Раздираетъ меня съ тобой;
Скоро минетъ наша разлука,
Ты увидишься вновь со мной.

(Ендимїонъ уходитъ провожаемый Дїяною.)

СИЛВІЙ.

Богиня! вЪ чемЪ тебѣ полезенЪ быть можетЪ толкователь судбинЪ?

ДІЯНА.

АлциндЪ! вЪ ужасной сей для меня день все противЪ меня возстало! появилась здѣсь неизвѣстная Нимфа, которая вЪ моей области все привела вЪ безпорядокЪ; судьба прислала ко мнѣ стражемЪ священнаго дерева шалуна и повѣсу: вЪ саду своемЪ нашла я мущинЪ; невѣрная Бризея обличилась вЪ преступленіи: тщетно гнѣваюсь и угрожаю НимфамЪ: онѣ надо мною смѣются, не повинуются, бѣгаютЪ отЪ меня, ломаютЪ свои луки и предаются любви.

СИЛВІЙ.

Какая перемѣна!

ДІЯНА.

Я сама побѣждена стала нѣкіимЪ силнѣйшимЪ божествомЪ . . . трепещу сказать . . . я влюбилась.

СИЛВІЙ.

Діяна! . . . ты влюбилась! . . . но гдѣ нашла ты юношу достойнаго твоего сердца? ВЪ мое время всѣ мущины были вѣтрены, лукавы, вѣроломны и скушны.

ДІЯНА.

Тыбъ такъ не говорилъ, естьлибъ видѣлъ Ендимїона.

СИЛВІЙ.

Развѣ испытала его цѣломудрїе прежде, нежели вручила ему сердце?

ДІЯНА.

Я читаю его въ глазахъ, рѣчахъ и вздохахъ пастушковыхъ.

СИЛВІЙ.

Ты ослѣпилась.

ДІЯНА.

Нѣтъ, ты меня ослѣпляешь.

СИЛВІЙ.

Я! старый Алциндъ! твой вѣрный жрецъ тебя ослѣпляю? Пойдемъ къ священному древу, при коемъ твои Нимфы въ непорочности испытуются: тамо узнаешь всю истинну словъ моихъ.

ДІЯНА.

Дѣлай что хочешь; лишь возврати мнѣ потерянное спокойство. Пойдемъ.

(уходятъ)

АМУРЪ (выходя изъ мѣста гдѣ подслушивалъ).

Поди, поди, ты смѣшна будешь, побѣда! моя побѣда!

Финалъ.

Явленіе Пятьнадцатое.

АМУРЪ, НИМФЫ и ДОРИСТЪ.

АМУРЪ.

Сбирайтесь нимфы красны!
Побѣда ужъ свершилась;
Вамъ вольность возвратилась:
Вамъ льзя въ любви горѣть.

НИМФЫ.

Сберемся, нимфы красны!
Побѣда ужъ свершилась;
Намъ вольность возвратилась:
Намъ льзя въ любви горѣть.

АМУРЪ.

Пусть радость повсемѣстно,
Сей славный день вострубитъ.
Уже Діяна любитъ;
Пойдемъ ее смотрѣть.

НИМФЫ.

Пусть радость повсемѣстно и проч.

Явленїе Шестнадцатое.

Тѣ же и ЕНДИМIОНЪ.

ЕНДИМIОНЪ.

Я нигдѣ драгой не вижу:
Гдѣ ее, ахЪ! гдѣ найду!
БезЪ нея жизнь ненавижу
БезЪ нея сЪ тоски умру.

(ХочетЪ уйти.)

АМУРЪ, ДОРИСТЪ и НИМФЫ.

Слушай и постой.

ЕНДИМIОНЪ.

СЪ Дїяной мой
ПогибЪ покой
Искать ее пойду.

АМУРЪ, ДОРИСТЪ и НИМФЫ.

Естьли ты пойдешь со мной,
ТакЪ Дїяну я найду.

ЕНДИМIОНЪ.

ПоспѣшимЪ же поскорѣй
Ко прелестницѣ моей.

Всѣ:

ПоспѣшимЪ же поскорѣй
Ко прелестницѣ твоей.

(уходятЪ)

Явленїе Семнадцатое.

(ТеатрЪ представляетЪ ДїянинЪ садЪ перваго акта сЪ волшебнымЪ древомЪ и проч.)

ДІЯНА, СИЛВІЙ (вЪ видѣ жреца) и четверо другихЪ жрецовЪ несущихЪ урну; по томЪ АМУРЪ, ДОРИСТЪ, ЕНДИМІОНЪ и НИМФЫ.

ДІЯНА.

Сладко здѣсь уединенье,
МножитЪ лишь мое мученье;
ВЪ сердцѣ новое движенье,
СЪ страхомЪ ощущаю я.

СИЛВІЙ.

Скоро, скоро, о Богиня!
Смутная твоя судьбина
БудетЪ радостей притчина;
Скоро минетЪ грусть твоя.

ДІЯНА (пугаясь).

ИдутЪ люди!

СИЛВІЙ.

АхЪ мужайся!
Быть веселой притворяйся.

ДІЯНА.

Вмѣстѣ.

Какъ мнѣ страшенъ часъ рѣшенья!
Страждетъ вся душа моя.

СИЛВІЙ.

О Діяна! часъ рѣшенья
Не далекъ ужъ отъ тебя.

АМУРЪ (къ Нимфамъ и Пастухамъ).

Вотъ насталъ вамъ часъ рѣшенья,
Все то дѣлайте что я.

АМУРЪ Нимфы и Пастухи
(становятся на колѣни).

Бывъ виновны, у ногъ просимъ о прощенѣ,
Страждемъ, каемся, гнѣвъ заслуживъ мы твой;
Вниди съ бѣдными въ милость и сожалѣнье,
Отрѣши казнь, пощады насъ удостой.

ДІЯНА.

Судьбина сурова!
Межъ нихъ зрю драгова.
Не знаю что отвѣчать
И что мнѣ начать.
(къ Силвію)
Рѣши за меня.

СИЛВІЙ.

Востаньте, вѣщаетъ
Она чрезъ меня.

Всѣ:

Богиня въ жрецѣ вѣщаетъ;
Такъ станемъ внимать.

СИЛВІЙ.

Вотъ древо священно
Дастъ знать непремѣнно,
Чье сердце влюбленно,
И кто виноватъ.

(Жрецы подносятъ къ Силвію урну.)

ДІЯНА (Силвію) и Нимфы.

Ахъ! естьли тутъ жребій
И мой попадетъ!

ДОРИСТЪ и ЕНДИМІОНЪ.

Ахъ! естьли тутъ жребій
И мой попадетъ!

СИЛВІЙ и АМУРЪ.

Для всякова жребій
Судбина даетъ.

Всѣ:

Готов$^{ъ}_{а}$ (я) исполнить,
Что дѣлать скажи.

СИЛВІЙ.

Обычныя пойте

Вы пѣсни священны.

(Амуру)

Ты нимфа младая

Намъ жребьи кажи.

(Силвій мѣшаетъ урну, Амуръ вынимаетъ билетъ, отдаетъ оной Силвію, между тѣмъ поется слѣдующій куплетъ.)

Всѣ кромѣ Силвія.

О Сильфы могущи,

Невинность спрегущи!

Когда мое сердце

Любви покоренно,

Пусть древо священно

Меня поразитъ.

СИЛВІЙ (развертывая билетъ).

Пусть имя прочтется . . .

Діяна. (Дерево становится темно и плоды падаютъ на Діяну.)

ДІЯНА.

Что слышу!

Всѣ:

Свирѣпый взоръ мещетъ,

Блѣднѣетъ, трепещетъ,

Съ досады скрежещетъ,
Вся злобой кипитъ.

АМУРЪ.

Смѣшна, посрамленна,
Стоитъ изумленна.
Олимпу безцѣнна
Собщится мной вѣсть.

(уходятъ)

ДІЯНА.

Злость всѣхъ фурій въ груди ощущаю . . .
Всѣхъ измѣнники васъ растерзаю . . .
(Бросаясь на нѣкоторыхъ.)
Боги! Боги! возможноль то снесть!
(Возстаетъ престрашная буря и земле-
трясеніе.)

Всѣ:

Ужасъ, мракъ и гроза наступаетъ,
Вся природа никакъ погибаетъ,
Боги! Боги! смягчите гнѣвъ свой!

ДІЯНА.

Пусть разрушась весь міръ изчезаетъ!

Всѣ:

Адъ престрашной свой зѣвъ разверзаетъ,
Вся трясется земля подо мной.
(Садъ и буря вдругъ премѣняются въ велико-
лѣпныя палаты Амура, гдѣ онъ является
на тріумфальной колесницѣ, окруженъ дру-
гими божествами.)

Всѣ кромѣ Діяны.

Ахъ! ахъ!

АМУРЪ (съ колесницы).

Друзья мой! оставте страхъ;
Амура здѣсь вы зрите
Властителя сердецъ;
Вамъ буду щастія творецъ,
Когда безъ шалостей законъ мой сохраните.
Дористъ, до женщинъ лакомъ ты,
Но брось тѣ пустоты,
Люби одну Бризею,
И будь здѣсь стражъ надъ областью моею.
Ты, Силвій, восприми
Свою вновь младость,
И съ Клиціей вкуси
Супружню радость.
Жрецомъ моимъ тебя я здѣсь избралъ,
Чтобъ протчихъ Нимфъ съ мужьями сочеталъ.
Діяна! на меня хоть ты досаду кажешь,
Но послѣ слюбится: спасибо скажешь.
Ты тщетно бѣгала пріятныхъ тѣхъ оковъ,
Что радости даютъ и для самихъ Боговъ.
Къ Венерѣ, къ Псишѣ поспѣшаю,
Чтобъ славу возвѣстить побѣды имъ моей;

Всѣхъ щастїй вамъ желаю . . .
Прощайте, я васъ оставляю;
Пусть мѣсто здѣсь мое заступитъ Гименей.

(Амуръ скрывается, является Гимемей.)

Всѣ кромѣ Дїяны.

Щастье намъ дано судьбами ;
Веселись Богиня съ нами,
Славься новыми цѣпями,
Отъ любви онѣ даны.

ДIЯНА и всѣ.

Я / Ты равна вамъ / намъ стала страстью.
Богъ любви! веди насъ къ щастью;
Мы довольны нашей частью,
Бывъ тебѣ покорены.

Конецъ.